

Шиллер В. В., Бадаев Е. В., Решетникова Л. С.

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗУЧЕНИЯ КОНФУЦИАНСТВА)

Для цитирования: Шиллер В. В., Бадаев Е. В., Решетникова Л. С. К истории становления и развития советского китаеведения (на материале изучения конфуцианства) // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2024. Т 5. № 3. С.92-97

В отечественной историографии вопросы конфуцианской доктрины стали поднимать еще в дореволюционной России. Одними из первых, обративших внимание на отдельные аспекты конфуцианского учения, в российской китаистике во второй половине XVIII в., стали И. К. Россохин (1707–1761) и М. Л. Леонтьев (1716–1786). М. Л. Леонтьев перевёл на русский язык первые две книги Четверокнижия: «Да сюэ» и «Чжун юн». Им же предпринимались и первые попытки перевода важнейшей китайской канонической книги «И-цзин» (Книги Перемен).

В XIX в. к проблемам конфуцианства обращались Н. Я. Бичурин (архимандрит Иакинф), ученые-китаеведы В. П. Васильев, бывший врач Пекинской миссии Н. И. Зоммер, С. М. Георгиевский. Труды и заметки данных ученых носили характер этнографических и историко-филологических исследований, и, по большей части, не были опубликованы. Вплоть до первых десятилетий XX в. с конфуцианством в России широкая общественность знакомилась благодаря переводам отдельных сочинений китайских мыслителей, представлявших данное направление китайской гуманистической мысли.

Более системно и на новой научно-методологической основе изучение Китая и, в частности, конфуцианства в отечественной историографии связано со становлением и развитием советского востоковедения и одного из его ключевых направлений – китаеведения. Выделение основных этапов советской историографии по изучению конфуцианства связано с общими тенденциями развития отечественного востоковедения.

После революционных событий 1917 г. и гражданской войны отечественное востоковедение, как и историческая наука в целом, переживало состояние серьезного кризиса. Во многом это было связано со значительной деформацией и частичной ликвидацией старой системы исторического образования, эмиграцией части российских востоковедов за рубеж. Тем не менее, в 1920-е годы начинается процесс становления советской исторической науки, выбравшей в качестве методологической основы познания исторического прошлого марксистский подход. Марксизм утверждался в качестве методологии в ожесточенной полемике с представителями старой исторической школы, стоявших на позициях го-

сударственного и юридического подходов.

К 1930 г. марксизм стал определяющим методологическим подходом, что сказалось и на предметных областях исторических исследований. Политика стала влиять на историческую науку, что проявилось в появлении практики социально-политического заказа, поступавшего со стороны партийно-государственных структур.

На волне этих процессов на рубеже 1920–30-х гг. появилась новая генерация востоковедов. В центре их внимания, в первую очередь, оказались вопросы, связанные с изучением социально-экономических процессов, народно-освободительных движений и революций в странах современного им Востока.

В этих условиях особую роль в сохранении интереса к духовной жизни Китая сыграл будущий академик В. М. Алексеев, вставший у истоков формирования школы советской китаистики. По инициативе В. М. Алексеева изучение религиозных учений Китая начинает оформляться в одно из научных направлений в составе советского востоковедения. Под руководством ученого молодые советские востоковеды начали проект по переводу ряда литературных памятников конфуцианской мысли на русский язык. Так Ю. К. Щуцкий (1897–1938) перевел «Книгу перемен», а А. А. Штукин (1904–1963) – «Книгу песен».

Одним из ярчайших представителей профессионального корпуса китаеведов был Ю. К. Щуцкий. В своей главной работе, увидевшей свет через 20 с лишним лет после трагической гибели автора в сталинских лагерях, он анализировал «И-цзин» как памятник древнекитайской литературы. Он не ставил перед собой задачу рассмотреть генезис конфуцианства и описать основные компоненты этой доктрины, поэтому в работе не рассматривались:

- биография Конфуция;
- генезис и развитие конфуцианства;
- взаимодействие конфуцианства с религиозно-философскими и альтернативными идеологическими системами древнего Китая;
- базовый категорийно-понятийный аппарат учения;
- социальный и политический статус таких групп, как «цзюнь-цзы» и «сяо-жэнь», структурно-функциональные взаимосвязи между ними;

Конфуций упоминается у него в работе только потому, что китайская историографическая традиция приписывала ему авторство части текста и комментариев к «Книге Перемен». На большом фактическом материале автор доказывает непричастность Конфуция к написанию этого текста. По сути, в монографии было лишь упоминание о том, что Конфуций обучал своих учеников ритуалу – «ли», музыке – «юэ», песням – «ши» и истории – «шу», без расшифровки смысла первого и второго понятий.

К конфуцианству он обращается и в контексте дискуссий с японскими коллегами. В японской синологии утвердилась на тот момент идея, что именно Конфуций переориентировал общественное представление древних китайцев о мире с религиозно-мифологического к рационально-логическому пониманию. Ю. К. Шуцкий считал, что мнение японских коллег является лишь частично верным. Он соглашался с тем фактом, что кризис мантического мировоззрения случился в Китае около VI–V вв. до н.э., но отрицал основной вклад Конфуция в этот процесс. Ю. К. Шуцкий указывал на то, что процесс замены гадания суждением начался задолго до Конфуция. Правда, оговаривал, что в этом процессе Конфуций сыграл одну из важных ролей. Поэтому, по мнению ученого, рационалист Конфуций не мог проявлять интереса к иррациональной мантике, которая была в его время важным содержанием «Книги Перемен». В работе Ю. К. Шуцкого конфуцианство не получило оценки, но путем логического анализа можно сделать вывод, что доктрина Учителя Куна оценивалась им как рациональная, основывающаяся на разуме, а не на мистике и иррациональности. Оценки «цзюнь-цзы» (совершенного мужа) и «сяо-жэнь» (низкий человек) дают основание утверждать, что, помимо всего прочего, с точки зрения автора концепция Конфуция являлась консервативно-реакционной, закреплявшей неизбежность деспотического строя древнего Китая. Ключевой здесь выступала позиция покорности, широко представленная в доктрине Конфуция.

Начало Великой Отечественной войны поставило перед историками задачи патриотического уровня, и подавляющее большинство исследований периода 1941–1943 гг. было связано с отечественной историей. В результате возрождение отечественного востоковедения приходится на вторую половину 1940-х гг. Во многих своих сферах, включая культуру, все пришлось начинать фактически заново, не имея ни устоявшихся научных школ, ни уважаемых и признанных учителей. Существующие политические реалии предопределяли осмысление истории Востока и основных процессов исключительно на основе схем и догм исторического материализма.

Первой ласточкой на поприще серьезного монографического изучения конфуцианства была монография, вышедшая из-под пера ученика академика Н. И. Конра-

да – Я. Б. Радуга-Затуловского. В монографии автор резко осуждал конфуцианство, считая эту доктрину реакционной конформистской концепцией и противопоставляя ей идею легизма, оценивавшуюся им, как более передовое учение. Собственно, на этом работа по изучению конфуцианства в обозначенный период и завершилась. Сложившаяся политическая конъюнктура диктовала разработку других проблем. Поэтому основная часть опубликованных в первой половине 1950-х гг. работ, посвященных Китаю, отражает различные аспекты новой и новейшей истории Китая.

Примерно с середины 1950-х гг. под влиянием изменившейся политической обстановки в стране, обусловленной приходом к власти новых политических сил, началось расширение тематического перечня изучаемых проблем не только в гуманитарных, но и в естественных науках. Открывшаяся возможность ознакомления с достижениями западной исторической науки расширила методический и методологический инструментарий советских историков. Конец 1950-х – середина 60-х гг. отмечены активным использованием системного подхода к анализу исторических процессов и явлений и математико-статистическими методами исследования. Советское востоковедение получило новый дополнительный импульс к развитию благодаря дискуссиям об АСП и знакомству с работами зарубежных востоковедов. Данные факторы и выход на арену нового молодого поколения китаеведов способствовали формированию научного интереса к новому предметному полю исследований: к философии, общественно-политической мысли и этнографии Китая. Оформлялась база для появления серьезных монографических работ по изучению важнейших проблем истории и культуры Китая.

Взлет интереса к проблемам истории Востока и, в частности, Китая, заложенный в предшествующий период, получил свое продолжение в 1970-е гг., проявившись в большом количестве серьезных монографических исследований, посвященных культуре, религии и формам общественного сознания Поднебесной. В этот период развернулись дискуссии вокруг оценок, ранее дававшихся конфуцианству.

Н. Т. Федоренко выступил против точки зрения, заложенной еще Ю. К. Шуцким, согласно которой «цзюньцзы» и «сяожэнь» – категории социальные. Он утверждал, что переносить категории «сяожэнь» и «цзюньцзы» из нравственной плоскости в социальную неправильно, и мотивировал это тем, что критерием благородства является обладание гуманностью – «жэнь», которая в равной степени может быть присуща и простолюдину, и аристократу и, соответственно, не регламентируется социальным цензом.

Ярчайшим эпизодом этого периода стали исследования В. А. Рубина, который провел ревизию существовавших оценок предшественников, ведя ожесточенные

дискуссии с точкой зрения Я. Б. Радуль-Затуловского. В. А. Рубин настаивал на том, что реакционной доктриной в древнем Китае был легизм, а не конфуцианство, как считалось ранее.

Его работы были написаны на основе древнекитайских исторических источников, переведенных автором, в совершенстве владевшим древнекитайским языком. В качестве базового методологического подхода он использовал не марксистский способ познания истории, а цивилизационный подход, реализуемый через призму принципа историзма.

Он подверг критике позитивные оценки легизма и даосизма. В своих работах он противопоставлял гуманистическую и культурно-созидательную природу конфуцианства антиличностным и антикультурным тенденциям легизма и даосизма.

В своих работах В. А. Рубин, уделяя внимание проблемам генезиса конфуцианства, отмечал, что Конфуций внес новый элемент в устои древнекитайской жизни как человек, открывший собой и своим учением новую эпоху в древнем Китае. По мнению ученого, конфуцианство породило эпоху мощного расцвета интеллектуальной мысли, способствуя закладыванию основ китайской культуры: с одной стороны, развитием идей самого Конфуция; с другой стороны, – активными дискуссиями с оппонировавшими учениями.

Официальной идеологией конфуцианству, с точки зрения исследователя, удалось стать уже во II в. до н.э. во многом благодаря ключевым тезисам учения, призывающего к покорности и послушанию. Но, анализируя «Луньюй», автор высказал точку зрения, идущую вразрез с оценкой, которую давали конфуцианству предшественники, считавшие, что конфуцианство является идеологией деспотии, поскольку в образе «цзюнь-цзы» выражена идея покорного подданного. Он стоял на той позиции, что, наряду с проповедью покорности, конфуцианство пропагандировало непокорность.

Не последнюю роль в процессе становления конфуцианства в качестве официальной идеологии сыграло и представление Конфуция о государстве как о большой семье. Ученый указывал, что данное представление Конфуция определяло и особое отношение к закону. Конфуцианство фактически противопоставило нравственные и культурные ценности формализованному закону. Поэтому важной частью управления и улучшения жизни в государстве выступает личность правителя, который должен воспитывать народ своим примером и воздействовать на него при помощи добродетели и правил «*ди*».

Продолжая полемику с предшественниками, В. А. Рубин указывал на то, что в рамках раннего конфуцианства сформировалась гуманистическая традиция, а в качестве аргумента опирался на концепцию «цзюнь-цзы» и его главное качество жэнь – человечность.

Продолжая анализ «Луньюя», он оспорил точку зрения Ю. К. Шуцкого, утверждавшего, что в конфуцианстве не было места мистике и иррациональности. Исследователь считал, что Конфуций трактовал Небо (Тянь) как божество, направляющее земные дела. Впрочем, в последующем, В. А. Рубин указывал, что господствующее в эпоху Хань при У-ди конфуцианство существенно отличалось от проповеди Конфуция. Ученый указывал, что к этическим положениям раннего конфуцианства добавили космологические спекуляции из даосизма и некоторых других натуралистических учений. Конфуцианству были приданы некоторые черты религии. В новой концепции Небо фигурировало как божество, обладающее моральным сознанием и следящее за всем, что происходит на земле. Фигура императора («Сына Неба») обрамлялась набором религиозных действий и ритуалов.

Таким образом, В. А. Рубин рассматривал конфуцианскую доктрину не как застывший свод идей и представлений, а как живую, развивающуюся и трансформирующуюся материю.

Он считал, что эволюция раннего конфуцианства не ограничилась внесением элементов из других идеологических систем древнего Китая и сакрализацией доктрины. Появились новые идеи, переосмысливающие и содержание отдельных положений раннего конфуцианства: с одной стороны, жестче утверждалась идея о том, что не народ, а правитель является основой государства; с другой стороны, трансформировался и идеал цзюнь-цзы – из странствующего рыцаря, носителя гуманистического начала в образцового чиновника, готового к слепому и беспрекословному повиновению указаниям начальства.

В. А. Рубин указывал, что конфуцианство сыграло огромную роль для обеспечения устойчивости китайской империи. Тезис о том, что принимать участие в управлении могут только образованные люди, нашел практическую реализацию, поскольку уже во II в. до н.э. китайское чиновничество набиралось на основе не столько происхождения, сколько определенных способностей. Это обеспечивало высокий уровень правящей элиты для древности и средневековья. Разработка системы экзаменов для чиновников имела важнейшие последствия в судьбе китайской государственности и культуры: с одной стороны, способствовало культурному объединению и сплочению страны через единый курс обучения; с другой стороны, это единообразие стало и важной причиной интеллектуального застоя.

Подводя итог по этому этапу, надо отметить неоднозначность результатов. С одной стороны, в период 1970-х годов развернули дискуссии с предшественниками по ряду ключевых позиций доктрины конфуцианства, пересмотрев общую оценку и сформировав представле-

ние, что учение Конфуция не столько консервативно-реакционное, сколько протестное и гуманистическое. С другой стороны, несмотря на обилие работ, специальных исследований, посвященных исключительно конфуцианству, практически не было. Как правило, доктрине учителя Куна отводили одну-две главы в рамках монографии, посвященной общим проблемам культуры или религии древнего Китая. Поэтому можно констатировать, что в конце 1970-х гг. проблема конфуцианства в отечественном востоковедении оставалась недостаточно разработанной.

В 1980-х годах перечень методологических подходов, используемых историками, продолжал расширяться. Все чаще советские исследователи стали обращаться к методологическим разработкам французской школы «Анналов» и опыту, накопленному историками других стран Западной Европы и США. Использование этих принципов позволило расширить перечень исследовательских задач и «поднимать на щит» недостаточно изученные в историографии проблемы. В 1980-х годах появляются монографии, посвященные специально анализу конфуцианства и идейному наследию Конфуция. С этого периода начинается процесс активного изучения конфуцианства. Авторы развивали идеи, заложенные в предыдущем десятилетии, и во многом поддерживали сформулированные тогда оценки, одновременно работая в направлении, только заложенном, но не развитом предшественниками, – оценке взаимодействия конфуцианства с легизмом и даосизмом. Часть идей подвергалась ревизии и пересмотру, особенно относительно их практической востребованности и применимости. Но уже в этот период единообразия точек зрения в оценке обсуждаемой нами доктрины не было: одни исследователи оценивали конфуцианство как догматично-консервативную идеологию, во многом опираясь на позиции авторов, занимавшихся проблемами конфуцианства в период 1930–1940-х гг.; другие придерживались точки зрения, закрепленной в советской историографии В. А. Рубиным.

Следует отметить, что в этот период подавляющее большинство работ было написано не на основе собственных авторских переводов древнекитайских источников, а на основе компилятивно-заимствованного материала из работ советских синологов 1930–1970-х годов либо переведенных трудов зарубежных востоковедов, занимающихся проблемами конфуцианства. В силу этого об авторских позициях части исследователей этого периода надо говорить с большой осторожностью, поскольку, вполне вероятно, что концептуальная основа тоже может быть заимствованной.

Определенным примером компилятивного исследования может выступать работа А. М. Ушкова, в которой, в частности, отмечается, что, несмотря на постоянные

декларации о поддержании чистоты конфуцианских принципов, опирающихся во многом на уважительное отношение к традиции и преклонение перед «золотым веком» седой старины, конфуцианство, тем не менее, не было абсолютно замкнутой системой. Вначале оно испытывало сильное влияние другого направления древнекитайской мысли – легизма, которое в теории и практике не отличалось столь высокоуважительным отношением к старине и патриархальным устоям, предпочитая опираться на силу строго писаного закона, а не на традицию.

С точки зрения автора, легизм и конфуцианство сблизило то, что они отстаивали идею сильного централизованного государства, обладающего эффективными средствами контроля за хозяйственной деятельностью. Он считал, что целый ряд положений – государственное регулирование экономических процессов, система круговой поруки, принцип личной ответственности чиновников, систематическое обновление чиновничьего аппарата, проверка лояльности и унификация мышления чиновничества через систему государственных конкурсных экзаменов – конфуцианство заимствовало у легизма.

Повторяя точку зрения В. А. Рубина, автор отмечал, что в период династии Хань конфуцианство было канонизировано и превратилось в официальную идеологию страны. Однако он оценивал конфуцианство как исторически несостоятельную утопическую доктрину. Его предшественники не давали таких резких и категоричных оценок, акцентируя внимание на морально-этической составляющей. Обосновывал он эту точку зрения, опираясь на идеал «совершенного человека». Конфуций, разработав теоретическую модель, стремился претворить ее в жизнь, но эта идея потерпела неудачу. Поскольку «как практик он был гораздо менее удачлив».

Подверглась ревизии и переоценке позиция В. А. Рубина, рассматривавшего конфуцианство как гуманистическую доктрину. А. М. Ушков, во многом опираясь на традиции советской историографии дохрущевского периода, отмечал, что богатейший гуманистический заряд, который содержался в конфуцианском учении, был «затемнен» веками господства конфуцианского насилия над природой человека-творца, господства искусственных моральных, социальных, эстетических и других правил. В результате в условиях господства конфуцианской идеологии «человек оставался средством не только в руках других людей, но и в плену условностей, которые, будучи воплощенными в «ритуале (ли)», имели тенденцию ужесточаться с течением времени, все более оттеняя социально-этическую форму в ущерб проявлению творческому потенциалу личности».

Не разделял точку зрения А. М. Ушкова и по ряду позиций полемизировал с ним крупнейший исследователь конфуцианства, московский китаевед Л. С. Васильев. В его монографии «Проблемы генезиса китайской мысли», опубликованной в 1989 г., конфуцианству посвящено две главы. В главе 2, занимающей 31 страницу, изложены основы биографии Конфуция и базовые позиции его доктрины, а в главе 3.5. на 14 страницах описано учение того, кто считается вторым по степени значимости мыслителем после самого Конфуция, – Мэн-цзы. Работа Леонида Сергеевича написана с позиций «цивилизационного подхода», на основе использования общенаучных методов анализа и синтеза, а также индуктивно-дедуктивного способа изложения текста и конструирования структуры глав. Прослеживается использование историко-генетического и историко-сравнительного методов исследования. При четкости и логичности изложения, четком прописывании концепции в его работе присутствовал один существенный изъян – отсутствие опоры на китайские источники. Автор опирался на переведенные им с иностранных языков монографии англо и немецкоязычных авторов – крупных специалистов по конфуцианству. Как отмечалось выше, подобная ситуация была характерна для большинства работ этого периода.

Л. С. Васильев, опираясь на концепцию «вызова-ответа», рассматривал появление конфуцианства на культурно-идеологической арене чжоусского Китая как ответ на вызов, брошенный социально-экономической и политической обстановкой в государстве. При анализе и оценке доктрины Конфуция он во многом занимал позиции В. А. Рубина. Затрагивая проблемы генезиса конфуцианства, Леонид Сергеевич отмечал, что доктрина Учителя Куна оказалась в итоге «сгустком очень глубокой и оригинальной мысли, лишь внешне, по основным очертаниям, совпадавшей с тем, что было прежде». Конфуций развил и разработал высказывавшиеся до него идеи путем введения новых понятий и категорий. Исследователь, вслед за В. А. Рубиным, указывал на отсутствие мистического и иррационального в учении Конфуция, его стремление избегать вопросов онтологии и космогонии, религии и мифологии, абстрактных метафизических спекуляций. И даже Небо, единственная, по мнению Л. С. Васильева, метафизическая субстанция, выступало не в виде божества, а верховного регулирующе-контролирующего начала. Характерными чертами доктрины Конфуция он считал «подчеркнутый рационализм, дидактику, сильный акцент на социальную этику, административную политику – словом, именно на то, что стояло в центре внимания мыслителей до него».

Цель конфуцианства Л. С. Васильев усматривал в установлении справедливого социального строя, стабильность которого гарантировала образованная поли-

тическая администрация. Этический же стандарт, генеральным постулатом которого являлось «золотое правило»: не делай другим того, чего не хочешь себе, выступал лишь как инструмент достижения цели. Но в целом *этика Конфуция*, с точки зрения автора, была далека от *евангельского всепрощения*.

В отличие от предшественников, Л. С. Васильев однозначно утверждал, что доктрина Конфуция оказала огромное влияние на Китай. Все его последующее развитие на протяжении почти двух с половиной тысячелетий шло под знаменами идей Конфуция, было так или иначе окрашено в цвет конфуцианства. Заслугой Конфуция являлось то, что он сумел создать систему идей и институтов, которые со временем действительно изменили облик страны. Здесь Л. С. Васильев полемизировал с точкой зрения А. М. Ушкова, считавшего, что конфуцианство было утопической теорией.

Оценивая фигуру самого Конфуция, автор говорил, что он был *не столько великим моралистом, сколько великим гуманистом*, поскольку верил в человека и нескандално возвышал его, считая, что не Бог и не всемогущее Небо, а только человек силой своих потенций способен изменить мир. Он отмечал, что наивысшей ценностью для Конфуция было благо человека, под которым подразумевался гармоничный порядок, при котором все – и старшие, и младшие – находятся на своих местах, а правитель поставлен следить за практической реализацией этой системы. Впоследствии, в период складывания современной российской историографии, Л. С. Васильев внесет некоторые корректировки в свои оценки конфуцианства.

Таким образом, основная часть работ китаеведов, участвовавших в исследовании проблемы религии, этики и идеологических систем древнего Китая в советский период была посвящена конфуцианству. Однако на протяжении значительного промежутка времени эта социально-политическая и этическая доктрина изучалась весьма поверхностно, что было связано с рядом объективных факторов социально-экономического и политико-идеологического характера. Подавляющее большинство работ имело описательный характер, стремясь познакомить читателя с набором основных идей, формами и тенденциями развития конфуцианства.

К пониманию необходимости внедрения всестороннего анализа конфуцианства, его роли в истории и культуре Китая, отечественное китаеведение пришло сравнительно недавно. Пройдя этап накопления важнейших сведений о китайской цивилизации, стала оформляться основа для изучения Китая и конфуцианства с опорой на социологический анализ и структурно-функциональные исследования взаимозависимости различных элементов культурных, социальных, политических связей традиционного китайского общества.

Информация об авторах:

Шиллер Вадим Викторович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

E-mail: shiller.vadim@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-0019-6392

Вклад в статью: разработка концепции исследования, работа с источниками, интерпретация данных, критический анализ и утверждение окончательной версии статьи.

Бадаев Евгений Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

E-mail: badaev2000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0759-7538

Вклад в статью: получение и интерпретация данных, подбор и изучение литературы, работа с источниками, подготовка статьи.

Решетникова Людмила Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, член Кемеровского отделения международной общественной организации «Лига Защиты Культуры».

E-mail: badaev2000@mail.ru

Вклад в статью: получение и интерпретация данных, подбор и изучение литературы, работа с источниками.

Authors:

Shiller Vadim Viktorovich, Candidate of Sciences in History, Head of the Department of History, Kemerovo State Medical University.

E-mail: shiller-vadim@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-0019-6392

Contribution: conceived and designed the study; collected and interpreted the data; performed literature search and analysis; wrote the manuscript.

Badaev Evgeny Vasilievich, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Department of History, Kemerovo State Medical University.

E-mail: badaev2000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0759-7538

Contribution: collected and interpreted the data; performed literature search and analysis; wrote the manuscript.

Reschetnikova Lyudmila Sergeevna, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Member of the Kemerovo Branch of the International Public Organization «League of the Culture Protection»

E-mail: badaev2000@mail.ru

Contribution: collected and interpreted the data; performed literature search and analysis.